

«ИСТОРИЯ КАК РАССЛЕДОВАНИЕ» (СБОР МАТЕРИАЛОВ О «ВРЕМЕНИ НАЛЕТА НА КАЗАНЬ ЧЕХОСЛОВАКОВ»)

Этимология слова «история» весьма многообразна. В переводе с древнегреческого языка оно имеет следующие значения: «расспрашивание», «изыскание», «сведения», «знание», «рассказ о прошлом»¹. В ряду значений следует выделить понимание истории как «расследование».

О сходстве работы историка и следователя рассуждал французский историк А.Про. Он назвал «расследованием» один из методов истории: «Расследование, в том смысле, в каком говорят о расследовании журналиста или следователя, — это метод, используемый для установления фактов, взаимосвязей, причин и меры ответственности. То, что расследование ведет к выяснению истины, понятно на уровне здравого смысла; в противном случае исполнение правосудия было бы невозможно. В своих поисках истины судья действует, как историк: он выявляет целую гамму фактов — от побудительных мотивов, следов до формального доказательства»². Отмечая сходство, А.Про также обозначил и различия между ними: «Различие между судьей и историком заключается не в расследовании, а в приговоре. По завершении следствия судья должен вынести окончательное решение, и сомнение, безусловно, играет на руку обвиняемому. У историка же больше свободы: он может повременить с вынесением приговора и хорошенько взвесить все «за» и «против», ибо на познание не распространяется принуждение, накладываемое действием. Но он никогда не освобождается от предоставления доказательств»³. Исходя из этого, общий вывод французского исследователя был следующим: «Хорошо проведен-

ное расследование соотносится с режимом истины, который свойствен отнюдь не только истории; он является общепризнанным, и история пользуется им без колебаний»¹.

Следует согласиться с этими утверждениями А.Про. Однако возникает вопрос: что если установление истины в историческом исследовании является не целью, а средством? Что если установленные факты ценны не сами по себе, а лишь с точки зрения их последующей интерпретации?

В центре внимания в данной статье — частный аспект развития отечественной исторической науки: сбор воспоминаний «о времени налета на Казань чехословаков». Однако этот частный аспект выводит на осмысление более обобщенных проблем — историческая истина, статус истории в обществе, наука и власть.

Отношение к истории как к науке в нашей стране после 1917 года было весьма противоречивым. В первое время революционная стихия сжигала в огне революции свидетельства прошлого. Скептицизм и даже пренебрежение к архивным документам содержится в известном письме И.Сталина в редакцию журнала «Пролетарская революция», в котором историки, опирающиеся на «кучу документов», а не на «дела» партии и лидеров, были названы «архивными крысами»². Можно также вспомнить закрытие исторических факультетов в университетах, исключение дисциплины «История» из учебных программ школ. Однако с другой стороны, власти не ослабляли своего интереса к истории: подготовка марксистских кадров в научных и образовательных учреждениях «нового типа», «возвращение истории» в школы и вузы, наконец, фактическая унификация исторического знания в 1930-е годы. В эти же годы история как учебный предмет «вернулась» в советские школы. Произошло воссоздание исторических факультетов в крупнейших университетах страны. В апреле 1934 года постановлением Совнаркома и ЦК ВКП(б) с 1 сентября 1934 г. были восстановлены исторические

¹ Савельева И.М., Полетаев А.В. Теория исторического знания: Учебное пособие. СПб., 2008. С.13.

² Про А. Двенадцать уроков по истории. М., 2000. С.303.

³ Там же. С.303.

¹ Про А. Двенадцать уроков по истории. М., 2000. С.304.

² Сталин И.В. О некоторых вопросах истории большевизма: письмо в редакцию журнала «Пролетарская Революция» // Сталин И.В. Сочинения. Т.13. М., 1951. С.96.

факультеты Московского и Ленинградского университетов. В 1939 году был восстановлен исторический факультет Казанского университета.

Организационные перемены в системе исторической науки сочетались с проникновением в неё классового подхода: «объективность» вытеснялась «партийностью». В обращении Истпартотдела ЦК РКП(б) к Истпартотделу Татобкома 18 сентября 1924 года указывалось на «ошибки» в работе с документами, особенно с «белогвардейскими и контрреволюционными»: «[...] Часто, и к сожалению, очень часто, как на местах, так и в центре наблюдается уклон в работах по истории революционного движения в России, особенно по истории партии – в сторону помещения и использования, без достаточной проверки, документов охранки, полиции и т.д. [...] «Получается история полиции, а не *история*¹ революции». Это не значит, что документы Жандармского Управления, Судебн[ых] Палат и т.д. не должны использоваться, нет, но это значит, что не надо перепечатывать их полностью, не надо на них «надеяться», как на бесспорный документ, к ним нужны поправки, замечания и добавления. Надо помнить, что самое важное в документах охранных отделений и Жандармск[ого] Управл[ения] – это вещественные доказательства и даты показаний свидетелей и обвиняемых, а не заключение прокурора или суда. Часто, приступая к составлению очерков по истории Революции после Октября, товарищи основываются главным образом на документах контрреволюционных и белогвардейских, забывая, что у нас есть архивы (выделено нами – А.В.) и довольно большие, совет[ские] учреждения, не говоря уже о парт[ийных] организациях. Материалы белогвардейские важны постольку, поскольку в них есть сведения о наших организациях и то надо предварительно сверять и проверять [...]»².

Несмотря на обозначенное «возвращение истории» внимание исследователей было направлено прежде всего на новейший, послереволюционный период. Актуальные задачи в исторической науке призваны были решать научные учреждения

«нового типа». Одним из таких учреждений был Истпарт – Комиссия по истории Октябрьской революции и РКП(б), возникшая в августе 1920 года. Одной из задач Истпарта был сбор воспоминаний о революционных событиях: «Для собирания и подготовки к печати воспоминаний была создана мемуарная подкомиссия»¹. Эта работа проводилась на территории всей страны, в том числе и в Татарии. 12 декабря 1920 года на заседании Татистпарта было утверждено «Положение о Казанской подкомиссии для собирания и изучения материалов по истории Октябрьской Революции и истории Р.К.П.»². Основной задачей подкомиссии являлся сбор, разработка и обработка всякого рода материалов, как печатных, так и рукописных относящихся к истории Октябрьской Революции, понимаемой в самом широком толковании и истории Р.К.П.³ Несмотря на то, что главное направление исследования было сформулировано достаточно узко – «Октябрьская революция», план исследования предусматривал 38 тем, содержательно и хронологически выходящих за заявленные рамки: выборы в Учредительное собрание, Брестский мир, создание Красной Армии, восстание Чехо-словаков, Комитет членов Учредительного собрания, международные съезды – женщин, Коминтерна, профсоюзов, молодежи и т.д.⁴ Результатом работы должны были стать не только научные труды (в виде статей, монографий), но и сборники документов. Пожалуй, что второе направление работы было более важно, так как тем самым накапливался «исторический материал» для будущих исследований. Неслучайно, что сразу же после освобождения Казани в сентябре 1918 года редакция местной газеты «Знамя революции» выступила со следующим обращением: «Советская Россия почти ничего не знает, что происходило в Казани за время белогвардейского владычества. Она мало знает, она недостаточно широко осведомлена относительно той героической борьбы, которую вела наша Красная Армия против

¹ Комаров Н.С. Создание и деятельность Истпарта (1920–1928 гг.) // Вопросы истории КПСС. 1958. №5. С.155.

² ЦГА ИПД РТ. Ф.36. Оп.1. Д.353. Л.56.

³ Там же.

⁴ Там же. Л. 109-109об.

¹ Слово «история» зачеркнуто.

² ЦГА ИПД РТ. Ф.36. Оп.1. Ед.хр.381. Л.3.

наемников англо-французского капитала»¹. По этой причине предлагалось «восстановить точную картину имевших место в Казани исторических событий — это необходимо для Советской России, крайне важно для сознательных рабочих всех стран, это, наконец, нужно для истории»².

План работы обозначил направления исследовательских поисков. Несмотря на наличие общей линии, местные комиссии Истпарта могли более подробно сосредоточиться на отдельных темах. Следуя этой логике, Татистпарт уделил пристальное внимание «Чехословацкой теме» — сбору материалов о борьбе с Чехословацким легионом на территории Казанской губернии в 1918 году. Это был один из наиболее важных и ярких эпизодов в истории «революционного движения» и «революционной борьбы» на территории Казанской губернии. Поэтому вполне обоснованным выглядел тот факт, что «очередным сборником, издающимся Истпартотделом ОК является сборник материалов по времени налета на Казань Чехословаков»³.

Процесс сбора воспоминаний происходил не стихийно, а по намеченному плану. Заведующий Татистпартотделом ОК РКП(б) Н.А.Знаменский в инструкции уполномоченным Истпартотдела обращал внимание на следующее обстоятельство: «Рукописи (статьи и воспоминания) следует собирать у тех товарищей, Революционное прошлое которых заслуживает освещения в качестве исторического материала, а также от тех товарищей, которые сами, хотя и не участвовавшие в том или ином историческом событии, но по каким-либо причинам бывшие свидетелями этих событий. К возстановлению (так в тексте — А.В.) этих воспоминаний и статей следует привлекать товарищей независимо от их партийности в настоящее время. Привлекая беспартийных (так в тексте — А.В.) к указанной работе, необходимо указывать им на полную свободу в даче им

¹ Литвин А.Л. Воспоминания о борьбе за Казань в 1918 году как исторический источник // Из истории Татарии: Сборник научных работ Госмузея Татарской АССР. Вып. 2. Казань, 1966. С.76.

² Там же.

³ ЦГА ИПД РТ. Ф.36. Оп.1. Д.362. Л.35.

тех или иных *правдивых исторических показаний* (выделено нами — А.В.)»¹.

Предметом исследования в статье выступают не организационные формы и ход сбора материалов о «времени налета на Казань Чехословаков», а скорее *новое понимание задач и специфики истории как вида интеллектуальной практики*, выраженное в специфических семантических конструкциях.

Столь пристальное внимание к языку, объясняется тем, что он является «одним из самых мощных способов воздействия на формирование личной системы ценностей [...]. Он настолько органично входит в наше существование, что мы его не замечаем, но от этого его влияние только возрастает, ибо он действует не только на сознание, но и на подсознание»². Язык выполнял роль инструмента, который «формирует и сохраняет [...] концепции»³. Иными словами, язык не только передавал особенности восприятия автором действительности и прошлого, но также и формировал специфику этого восприятия у тех, кому тот или иной документ был адресован.

Обратим внимание на семантическую конструкцию «*правдивые исторические показания*». В данном контексте эта конструкция может быть объяснена как «*достоверные исторические свидетельства*».

Лексемы «*свидетель*», «*свидетельство*» можно встретить и в других документах Истпарта. В докладе уполномоченного Истпарта по Татарской Республике Н.А.Знаменского областному комитету РКП(б) было сказано следующее: «С целью оказания помощи рядовым партийцам и рабочим в написании воспоминаний, Тат.Бюро разработан специальный план или конспект довольно обширных размеров. Польза этого плана состоит в

¹ ЦГА ИПД РТ. Ф.36. Оп.1. Ед.хр.362. Л.35. Примечание: уполномоченные Истпарта по районам были утверждены на заседании Коллегии Истпартотдела от 30 мая 1923 года. На этой же коллегии (протокол №1) была утверждена инструкция райуполномоченным (Л.34).

² Евграфова С.М. Память и общество: лингвистические и психологические аспекты // Сотворение истории. Человек. Память. Текст. Цикл лекций. Казань, 2001. С.183.

³ Репина Л.П. Коллективная память и мифы исторического сознания // Там же. С.322.

том, что из ряда фактов, которые упоминает «план» в том или ином политическом¹ периоде – пишущему свои воспоминания товарищу этот ряд намеков дает канву для его собственных построений² и облегчает задачу выбора темы, наиболее близкой тому, чего он был участником или свидетелем (выделено нами – А.В.)³.

В отчете Истпартотдела за 1923 год подчеркивалось, что одним из основных методов работы был сбор воспоминаний, составленных «отдельными свидетелями (выделено нами – А.В.) и активными участниками политических событий»⁴.

При этом данные семантические конструкции содержались не только во внутренней документации Истпарта, но и в документах, адресованных рядовым гражданам. В «Обращении к гражданам Казанской подкомиссии для собирания и изучения материалов истории Октябрьской революции и истории Р.К.П. (от имени уполномоченного комиссии М.К.Корбута)» содержалась просьба присылать «подробные воспоминания обо всех революционных событиях, которых Вы были свидетелем (выделено нами – А.В.) или участником за последние четыре года в России»⁵, а также «те или иные документы дополняющие, подтверждающие, подкрепляющие даваемые Вами сведения или вообще интересные для истории»⁶.

В изученных нами документах такие семантические конструкции, как «показания», «свидетельство», «свидетель» имели нейтральное значение и не были ассоциированы с практикой проведения судебного расследования. Однако уже в 1920-е годы этот контекст становится актуальным для исторических трудов (в том числе посвященных истории борьбы с Чехословацким легионом в 1918-1920 годах).

Г.Лелевич в «Обзоре литературы о самарской Учредилке», оценивая книгу Н.В.Святицкого, подчеркивал, что она содер-

жит «ряд интересных материалов о роли Антанты в подготовке чехословацкого мятежа»¹. Характеризуя книгу славянофила (К.В.Сахарова) «Чешские аргонавты в Сибири» тот же автор отмечал, что «фактический и документальный материал чрезвычайно интересен тем», что «он неопровержимо устанавливает, что чехословацкие «освободители» буквально разграбили Сибирь»². И.И.Минц в предисловии к книге В.Грэвса «Американская авантюра в Сибири (1918-1920)» высказал мнение, что «ни одна из легенд, созданных империалистами для оправдания интервенции, не была обставлена таким огромным количеством аргументов и доводов, как легенда о чехословаках. Тут и *показания самих чехословаков* (выделено нами – А.В.), тут и огромная литература – книги, газеты, документы, английские, французские и даже японские. Все одинаково дружно доказывают, что угроза советской власти разоружить чехословаков собственно и вынудила империалистов выступить на защиту погрязших прав чехословаков»³.

По отношению к анализируемым трудам нередко применялась лексика, более характерная для судебных заседаний. Историки рассматривались в качестве свидетелей, ценность «показаний» которых зависела от степени «чистосердечности» и «полноты» произведенных разоблачений: «*показания Бенеша ясно доказывают* (выделено нами – А.В.), что авантюра (выступление 25 мая 1918 г. – А.В.) вызвана отнюдь не агрессивными мерами большевиков, а давлением Антанты»⁴.

Если в 1920-е годы установление достоверности (истины) было конечной целью исторических исследований, то позднее был сделан шаг вперед. Полученное историческое знание стало использоваться не только для установления факта, но и для вынесения приговора. 31 марта 1931 года на собрании бедняков

¹ Лелевич Г. Обзор литературы о самарской Учредилке // Пролетарская революция. 1922. № 7. С.227.

² Лелевич Г. Литература о Самарской Учредилке (Обзор второй) // Пролетарская революция. 1924. № 8-9. С.367.

³ Грэвс В. Американская авантюра в Сибири (1918-1920) / Пер. с англ. А.Ф.Сперанского и С.С.Соколова; со вступительной статьей И.И.Минца. М., 1932. XII.

⁴ Лелевич Г. Литература о Самарской учредилке. (Обзор второй). С.372.

¹ Зачеркнуто «полити», дописано «истори»

² Зачеркнуто слово «построений», дописано слово «воспоминаний»

³ ЦГА ИПД РТ. Ф.36. Оп.1. Ед.хр.362. Лл.9-9об.

⁴ Там же. Ед.хр.363а. Лл.46-46об.

⁵ Там же. Ед.хр.353. Л.13а.

⁶ Там же. Ед.хр.353. Л.13а.

деревни Ст. Акульшет Тайшетского района крестьянину Иннокентию Романовскому были предъявлены следующие обвинения, как доказательство его принадлежности к кулачеству: «связь с кулаками, фактически не был партизаном, а помогал белочехам, имел оружие и истреблял партизан»¹.

Этот, как, впрочем, и другие, установленные выше факты позволяют говорить о том, что словосочетание «история как расследование» наполнилось новым, специфическим содержанием и смыслом.

А.В. Гергерт

ОБЪЕДИНЕНИЯ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЕЙ И ИХ РОЛЬ В РАЗВИТИИ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВА В 1980–1990-е гг.

Конец 1980-х – начало 1990-х гг. насыщены появляющимися в российском законодательстве документами, регулирующими сферу предпринимательства, особенно малого. Документом Совета министров СССР в 1989 г. (протокол №14 от 6 июня 1989 г.) вводится понятие «малое предприятие». Вскоре термин получает нормативное закрепление в Законе СССР от 4 июня 1990 г. №1529-1 «О предприятиях в СССР» и дальнейшее развитие в Постановлении Совета министров СССР от 8 августа 1990 г. N 790 «О мерах по созданию и развитию малых предприятий».

Почти через год в 1991 г. в Постановлении Совета министров РСФСР от 18 июля № 406 «О мерах по поддержке и развитию малых предприятий в РСФСР» уточняются критерии отнесения предприятий к малым, а развитие сети малых предприятий провозглашается одной из важнейших мер по формированию республиканского и местного товарных рынков и поддержке предпринимательской деятельности. Министерством и ведомствам РСФСР, Советам министров республик в составе РСФСР, исполкомам местных Советов народных депутатов велено оказывать малым предприятиям и их союзам, ассоциациям и другим объединениям содействие по целому ряду направлений. Постановлением также позволено создание республиканских, региональных, муниципальных и других фондов финансовой поддержки малых предприятий за счет бюджетных средств, добровольных взносов государственных, общественных и иных предприятий, учреждений, организаций и граждан, в том числе иностранных.

Одновременно с появляющимся законодательством о предприятиях, в том числе малых, развивается понимание и общественных объединений. Так, начало формированию большого блока общественных объединений, в том числе объединений предпринимателей положило принятие Закона СССР от 9 октября 1990 г. №1708-1 «Об общественных объединениях».

¹ Слезнёв Е.С., Слезнёва Т.А. Лагерное прошлое Тайшета. [Электронный ресурс] <http://www.taishet.ru/history/sel4.html> Режим доступа: свободный. Проверено: 23.03.2013.